

Тань Хуаньси уже завершил выступление, спокойно и уверенно поклонившись в знак благодарности. Сдержанно и вежливо он принимал похвалы гостей, и эта манера поведения явно выделяла его среди обычных людей. Даже Ци Фэньюй, который обычно считал себя выше других, в этот момент ощутил легкую зависть и ревность.

— Увы, мы с ним действительно из разных миров, — Ци Фэньюй запрокинул голову и залпом выпил вино из бокала.

Мо Шаохэн по-прежнему молчал, но его взгляд невольно устремился на Тань Хуаньси, который вернулся в зал для банкета. Он, без сомнения, был самой яркой звездой вечера и сейчас с достоинством принимал вопросы и беседы гостей. Из доносящегося смеха было ясно, что гости были чрезвычайно довольны и восхищены им.

Уголок губ Мо Шаохэна слегка приподнялся, он сделал глоток из бокала, но в его глазах появился оттенок какого-то иного чувства. Эта сцена словно пробудила в его памяти другую, похожую ситуацию, когда-то давно, когда был человек, который, даже окруженный толпой, излучал свой собственный свет.

— Черный алмаз... Дедушка действительно отдал ему черный алмаз... Как он мог... Как он мог... Как он мог быть таким предвзятым...

Пока Мо Шаохэн предавался воспоминаниям, резкий голос прервал его, вернув к реальности. Он нахмурился, опустил взгляд и попытался найти источник звука.

Зал для банкета был спроектирован уникально, и сейчас он находился в саду на крыше, соединенном с залом изящной лестницей. На лестнице стояла девушка в белом вечернем платье, явно потерявшая контроль над собой. Она дрожала, крепко сжимая платье, оставляя на нем складки.

— Сыюй, успокойся... — молодой человек в черном костюме положил руки на плечи девушки.
— Не будь импульсивной. Как бы то ни было, сегодня день рождения дедушки. Если мы испортим его из-за черного алмаза, последствия будут непоправимыми.

— Но... Цунъань, разве ты не чувствуешь обиды? Дедушка ведь уже пообещал отцу, что в этом году я буду выступать на его дне рождения. Я не просила, чтобы он отдал мне черный алмаз. Но почему, как только Тань Хуаньси очнулся, дедушка заставил меня уступить ему место, а теперь еще и отдал ему черный алмаз? Цунъань, я действительно не могу смириться с этим... — Тань Сыюй сжала платье, словно только так могла сдержать гнев и обиду, готовые вырваться наружу.

Тань Цунъань тихо вздохнул и похлопал Сыюй по спине:

— Думаю, у дедушки есть свои причины. Пойдем, я провожу тебя в комнату отдыха. Только не показывайся дедушке в таком виде. Ты же знаешь, как он ценит воспитание в нашей семье. Он никогда не позволит кому-либо вести себя неподобающе на его банкете. Обсудим все после, хорошо? Послушайся двоюродного брата.

Тань Сыюй глубоко вдохнула, с трудом улыбнулась и кивнула Цунъаню:

— Спасибо, Цунъань.

— Тьфу-тьфу-тьфу... — как только они ушли, Ци Фэньюй высунулся из-за угла, подмигнув Мо Шаохэну с преувеличенным выражением лица. — Выходцы из старинных семей действительно

не простые люди.

Мо Шаохэн взгляд потемнел. Он не мог не заметить странное выражение на лице Тань Цунъяня, когда Сьюй упомянула черный алмаз. Если он не ошибается, несколько лет назад на дне рождения старого господина Таня уже выступал Тань Хуаньси, и то, что Сьюй назвала «уступкой», скорее, было «возвращением».

Мо Шаохэну не нужно было ничего выяснять, чтобы понять, что произошло. Вероятно, старый господин Тань считал, что Тань Хуаньси больше не очнется, и поэтому позволил Сьюй заменить его на выступлении. Но, судя по тому немногочисленному, что он знал о семье Тань, уровень исполнения, репутация и положение Сьюй и Хуаньси были как небо и земля, и, конечно, Хуаньси был тем, кто на небе.

— Пойдем, спустимся и поздороваемся со старшим господином Танем, — Мо Шаохэн поставил пустой бокал на стол в саду, повернулся к Ци Фэньюю и первым спустился по лестнице.

— Эй, подожди меня! — Ци Фэньюй все еще был в замешательстве, но Мо Шаохэн уже ушел, не оглядываясь. Он поспешно поставил бокал и бросился за ним, бормоча себе под нос. — Всегда такой, делает все на ходу, совершенно не заботясь о других. Когда-нибудь за это поплатится...

Тань Хуаньси с легкостью общался с гостями. Возможно, те, кто с ним разговаривал, были увлеченными музыкантами со всего мира, которые были очень довольны его выступлением. На их лицах были теплые улыбки, и они выражали ему свое восхищение, многие даже приглашали его на концерты.

Поэтому Тань Хуаньси чувствовал себя довольно свободно, хотя и колебался насчет участия в концертах. Очнувшись в этом теле, он тщательно обдумывал свою дальнейшую жизнь. Помимо того, что ему нужно было как можно скорее найти сына, он также размышлял, стоит ли продолжать жить жизнью прежнего владельца тела.

Прежний владелец отчаянно сопротивлялся своей судьбе, но был бессилен что-либо изменить. Однако Тань Хуаньси чувствовал, что в глубине души тот очень любил играть на скрипке. Именно из-за этой страсти он не хотел, чтобы скрипка стала инструментом для поддержания семейной чести, и всю жизнь был связан своим увлечением.

Прежний владелец нес на себе слишком много груза, и именно этот груз заставлял его задыхаться, пока он не захотел больше просыпаться. Поэтому Тань Хуаньси ни в коем случае не мог позволить прошлой жизни повториться. Он скорее хотел исполнить желание прежнего владельца, которое, по сути, сводилось к двум словам — «свобода».

Прежний владелец хотел сбросить с себя бремя славы и гениальности, свободно выбирать, в каких соревнованиях и концертах участвовать. Когда не хотел заниматься, когда настроение было плохим, он мог собрать друзей, выпить вдоволь, найти уединенное место и кричать во весь голос, выпуская все эмоции.

А не быть заключенным в рамки слова «должен»: каждый день должен был уделять определенное время занятиям на скрипке; это соревнование важно, он должен участвовать; этот концерт может поднять его и семейную репутацию на новый уровень, он должен присутствовать...

— Тань Хуаньси, дедушка уже стар, родители тоже не вечны, будущее семьи Тань лежит на твоих плечах, поэтому ты должен стараться еще больше.

— Тань Хуаньси, ты должен показать международной сцене свои способности, заслужить признание всех, чтобы ты мог взять на себя будущее семьи Тань. Ты должен усердно работать...

— Тань Хуаньси, ты самый талантливый представитель молодого поколения семьи Тань, как далеко сможет пойти наша семья, зависит от твоих усилий...

— Тань Хуаньси... Тань Хуаньси... Тань Хуаньси...

Тань Хуаньси сжал бокал, его сердце забило быстрее. Через некоторое время он медленно расслабил руку и тихо вздохнул. Оглядевшись, он увидел, что старый господин Тань оживленно беседует с несколькими известными музыкантами, и, умело найдя подходящий предлог, вежливо отказался от дальнейших разговоров с гостями, избегая их и покидая зал для банкета.

Возможно, тело, недавно оправившееся от травм, еще не справлялось с алкоголем, и сейчас в его голове царил хаос. Воспоминания прежнего владельца непрерывно всплывали в его сознании, и каждое слово наставлений глубоко проникало в его сердце. Даже если душа в теле теперь была другой, память, оставшаяся в сердце, была неизгладима.

Тань Хуаньси почувствовал головную боль и теперь только хотел найти тихий уголок, чтобы подышать свежим воздухом и успокоиться. На самом деле он не мог не понять чувства прежнего владельца. Можно сказать, что он сам пережил подобное, когда заставлял себя принять судьбу, навязанную ему, только из-за слова «ответственность».

Иногда он даже завидовал прежнему владельцу. Тот любил играть на скрипке, но был привязан к ней, как к рельсам, лишившись свободы. Он же тоже с детства любил скрипку, но из-за семейного бизнеса отказался от карьеры скрипача и не смог достичь таких же высот, как прежний владелец.

Хотя сейчас он говорил это, немного отстранившись от ситуации. Ведь иногда нужно уметь поставить себя на место другого, чтобы быть довольным тем, что имеешь. Иначе сердце человека будет становиться все более алчным.

<http://bllate.org/book/16668/1528438>